

Данте Алигьери

Божественная Комедия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А50

А50 **Алигъери Д.**
Божественная Комедия / Данте Алигъери – М.: Книга по Требованию, 2014. – 442 с.

ISBN 978-5-518-01253-0

ISBN 978-5-518-01253-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

Посвященіе.

Къ тому кто читаетъ.

Источники.

Подробное оглавленіе поэмы.

Изложеніе поэмы.

Приложенія: 1) къ пѣснѣ IV-й — буквальный переводъ нѣсколькихъ стиховъ Данте.

2) Къ пѣснѣ XI-й — лѣстница наказаній.

Алфавитъ именъ.

Погрѣшности.

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА

ГОЛОВНИНА.

КЪ ТОМУ КТО ЧИТАЕТЪ.

Ecco le due vie, le quale abbiamo traversato divisi per trovarci poi tardi uniti nella monarchia con la quale fu fatta l'unita nazionale e con la quale fu abolito il potere temporali dei Papi. Opinione 18 Gennaio 1887.

Рѣчь Франческо Криспи по поводу смерти Мингетти; 18 января 1887 г.

Я не сержусь на твой упрекъ:
На нежъ печать твоей открытой славы,
И, мощь бытъ, заманательный уронъ
Ослабшия мои возбудить врыамъ.
Твоей гордый гнѣвъ, славу безъ лишнякъ словъ,
Утѣшише хвалы простонародной;
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.

Илетневъ. Посланіе къ Пушкину.

Аристотель призналъ, что въ поэзіи мы находимъ болѣе истины, чѣмъ въ исторіи, — и вотъ передъ нами поэма Данте, написанная стихами XIV-го столѣтія — „Божественная Комедія“.

Прошло 500 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она написана; печатать въ то время еще не умѣли, — и ее бранять, порицають, — ее хвалятъ, ее возвышаютъ до небесъ и, чѣмъ больше вчитываешься въ то, что о ней было написано, — тѣмъ менѣе понимаешь самую поэму и никакъ не можешь сознать: что же она — хороша, или дурна.

Шевыревъ сказалъ: „что въ морѣ купаться, то Данте читать,“ — но переводчикъ относитъ эти слова не столько къ сочиненіямъ самаго Данте, сколько къ необычному множеству сочиненій объ немъ писанныхъ и могущихъ составить обширную библіотеку.

Вольтеръ, — этотъ разгадчикъ здраваго смысла, — говоритъ: „исключите изъ Данте 60 или 80 великолѣпныхъ и вѣковѣчныхъ сти-

ховъ,—и у васъ останется туманъ, варварство, пошлость и невѣжество.“ Затѣмъ, онъ прибавляетъ: „но для меня гораздо важнѣе эти стихи, чѣмъ тысячи итальянскихъ сонетовъ, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла.“

Ламартинъ относится къ Данте едва-ли не строже, чѣмъ самъ Вольтеръ.

Онъ говоритъ: „что-же создалъ Данте! вмѣсто безсмертной поэмы — онъ создалъ какую-то флорентинскую газету, гдѣ изливаетъ злобу противъ своихъ современниковъ, — но, прибавляетъ Ламартинъ, — слогъ этой газеты погибнуть не можетъ и все достоинство поэмы — это слогъ, или, правильнѣе, — только отрывки слога.“

„Мы находимъ въ немъ грубую пошлость, доходящую до безстыдства, идеальную сущность схоластическаго Богословія, доходящую до испаренія и истощенія великой мысли, — однимъ словомъ -- мы видимъ въ Данте великаго человѣка и дурную книгу.“

Но тотъ же Ламартинъ, въ своей вступительной рѣчи, по случаю избранія его академикомъ, сказалъ: „Данте кажется поэтомъ нашей эпохи, ибо каждая эпоха усыновляетъ и освѣжаетъ кого-нибудь изъ безсмертныхъ геніевъ, которые всегда современны — сама она въ нихъ отражается; въ нихъ находитъ свой образъ и выборомъ своимъ обличаетъ свою собственную природу.“

Ривароль, въ своихъ объясненіяхъ къ переводу Данте въ прозѣ, доказываетъ, что „нѣтъ поэта, который ставилъ-бы столько силковъ своему переводчику; на каждомъ шагу онъ ему предлагаетъ разныя странности, загадки и угрозы, — сравненія самыя отвратительныя, пошлыя намеки, школьные термины и самыя низкія выраженія. Онъ ничего не презираетъ, — и французскій дѣвственный языкъ возмущается его выраженіями“.

„Переводчику предстоитъ вѣчная борьба со слогомъ, алчущимъ поэзіи, — со слогомъ богатымъ, но грубымъ“.

„Переводчикъ хочетъ нарисовать мысль автора,—но пять или шесть строчекъ поэмы уже истожили всё его силы, и краски его всё изсякли“.

Одинъ изъ французскихъ критиковъ 1840 г., разбирая сдѣланныя до того времени во Франціи 10 переводовъ Данте отзывается очень неблагосклонно о переводѣ Ривароля. Онъ называетъ его смѣшнымъ и даже пошлымъ. „Смѣшно и грустно, говоритъ онъ, что Ривароль и Вольтеръ рѣшаются давать уроки художественности творцу Ада. Ривароль, на примѣръ, не переводитъ нѣкоторыхъ терцетовъ потому только, что они оскорбляютъ его вкусъ, или онъ преподаетъ Данте свою собственную миѳологію, не понимая того, что миѳологія поэта, какъ состоящая въ зависимости отъ его возрѣвій на ученіе святыхъ отцовъ о многобожїи, намѣренно удаляется отъ языческихъ преданій“.

При такомъ разнообразїи возрѣвій извѣстныхъ писателей, трудность перевода Божественной Комедїи очевидна.

И вотъ, читатель, эту-то трудную задачу принялъ на себя переводчикъ, рассчитывая не столько на свои силы, сколько на развитіе нашего современнаго общества.

Его поощрило къ этому труду замѣчаніе соотечественника Данте, Кастроджіовани, который призналъ необходимымъ переложить итальянскіе стихи Данте въ итальянскую прозу,—потому, что эти стихи не всегда понятны даже для самихъ итальянцевъ.

Кастроджіовани такъ выражается о „Божественной Комедїи“:

„Глубокое мое уваженіе къ самодержавному поэту не можетъ воспретить мнѣ указать на недостатки его великаго творенія“.

„Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь: иногда совсѣмъ ложныя мысли, пошлыя выраженія, пустую игру словъ, низкіе и даже неприлич-

ные образы, странныя, рѣзкія и вообще нескладныя рифмы; но этихъ недостатковъ такъ мало, это такія ничтожныя пятна на солнцѣ, что если мы примемъ въ соображеніе тотъ вѣкъ, въ которомъ писалъ Данте, когда и самый итальянскій языкъ и его поэзія были только наборомъ словъ, называвшихся рифмами, но не имѣвшихъ внутренняго поэтическаго значенія, то мы не можемъ не согласиться съ Петраркою, — который когда-то сказалъ: „Да! Алигieri — это вождь нашего языка; его желаніе — это власть, это сила“.

По мнѣнію Буркхардта, причисляющаго Данте къ поэтическимъ наставникамъ развитія просвѣщенія въ Италіи, — „въ Божественной Комедіи поэта выражаются всѣ страсти и всѣ страданія жизни человѣческой“.

„Онъ рисуетъ ихъ въ самыхъ краткихъ чертахъ; два, три слова; два, три штриха; возгласъ мученика, выраженіе бессильной его злобы, вызываемое жестокими мученіями — и картина готова; и эти видѣнія проходятъ и исчезаютъ какъ въ сумеркахъ; но ихъ забыть нельзя, потому что въ душѣ читателя впечатлѣется сразу вся картина, — и ужасное движеніе тѣни, и безнадежный ея крикъ, и безконечная глубина души человѣческой“.

Наконецъ, одинъ изъ издателей Божественной Комедіи Ф. Уголини между прочимъ говоритъ, — „что Данте, человѣкъ въ высшей степени вѣрующій, уважалъ значеніе папскаго престола, но преслѣдовалъ, безъ всякаго милосердія, неправильныя дѣйствія папъ и высшаго духовенства. Преступленія государей, великихъ людей и даже друзей своихъ онъ порицалъ, не обращая вниманія на лица, но за то пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выставить и возвышать въ глазахъ общества ихъ добродѣтели. Въ теченіе своего продолжительнаго изгнанія онъ жилъ въ разныхъ городахъ Италіи и умеръ въ Равеннѣ 14-го Сентября 1321 г. Онъ писалъ въ стихахъ и въ прозѣ, по итальянски и по латыни. Онъ былъ почти создате-

лемъ нашего языка, и довелъ его до той степени совершенства, которую превзойти почти невозможно и во всякомъ случаѣ очень трудно“.

„Въ поэму свою онъ включилъ, не только глубокія изслѣдованія о мірахъ вещественномъ и нравственномъ, но и весь свѣтъ науки, извѣстной его современникамъ. Его поэма не нуждается въ похвалѣ. „Данте это солнце! ему стоитъ только показаться“!

Почти также выражается и нашъ писатель Шевыревъ въ своей статьѣ „Данте и его вѣкъ“: „Гоній внезапно, какъ свѣтъ во вселенной, какъ человекъ между тварями, какъ все божественное въ земномъ. Рожденіе его объясняется однимъ безусловнымъ: да будетъ. Таково было въ Италіи явленіе Данте“.

Мнѣніе Ламене о Данте можно выразить слѣдующими словами: „Да! говоритъ онъ, конечно, у Данте есть иносказанія (метафоры) болѣе странныя, чѣмъ смѣлыя, оскорбляющія вкусъ выходки (bizargeries), но это все единственно для того, чтобы въ буквальномъ смыслѣ стиха ступовывался истинный его смыслъ, представлявшій въ то время изъ себя государственное преступленіе, караемое кострами, гдѣ сжигались живые люди, и всѣми орудіями инквизиціи, показываемыми теперь любопытнымъ путешественникамъ какъ архивныя древности во дворцѣ Венеціанскихъ дождей и въ церкви Святого Марка въ Венеціи“.

„Данте, нерѣдко однимъ словомъ, какъ будто брошеннымъ въ море словъ, возбуждаетъ въ читателѣ нѣсколько разнообразныхъ и даже разнорѣчивыхъ понятій“.

„На современниковъ автора Божественная Комедія произвела потрясающее впечатлѣніе. Даже необразованныя женщины, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, говорили другъ другу: вотъ тотъ человекъ, что въ адъ пошолъ и вышелъ оттуда живымъ“ (Lam. p. LXV).

Потомъ слава поэта начала упадать и потому именно, что высшее католическое духовенство стало разъяснять его книгу въ своемъ духѣ: мысль автора исказилась, и люди не захотѣли читать книги. Въ Мартѣ 1771 г. Вольтеръ писалъ къ Беттинели: „инѣ нравится ваша снѣлость, съ которою вы говорите, что Данте сумасшедшій, а его поэма чудовище, но въ этоиъ чудовищѣ есть какія нибудь 50, 60 строфъ—выше его времени—они убиваютъ тысячи сонетовъ, зарождающихся и умирающихъ въ долинахъ Италіи, между Миланомъ и Отранте“.

Можно думать, что Вольтеръ своимъ рѣзкимъ замѣчаніемъ возстановилъ славу Данте; по крайней мѣрѣ съ того времени она стала возрастать,—но на бѣду, толкователи Данте перешли изъ одной крайности въ другую. Данте поставили на пьедесталъ; сдѣлали его самодержавнымъ поэтомъ, стали признавать его не погрѣшнымъ, вдохновеннымъ поэтомъ и даже пророкомъ.

Усиленные похвалы вызвали за собою усиленные порицанія: стали указывать на скуку чтенія такой непонятной и однообразной фантазіи, витающей въ мрачныхъ дебряхъ ада.

„Нельзя отвергать справедливости подобныхъ замѣчаній, говорить Ламене: разныя подробности, въ коихъ излагаются ложныя его воззрѣнія на науку, запутанныя разсужденія о философскихъ и богословскихъ началахъ дѣлаютъ безъ всякаго сомнѣнія нѣкоторыя части поэмы растянутыми, скучными,—но не надо забывать, что иное, возбуждающее теперь скуку, во время жизни автора поражало своею новостью и всѣхъ увлекало и глубиною философскаго ученія и возможностью указаннаго имъ Божественнаго правосудія“ (Lamennais p. LXV, LXVI).

Вникнувъ въ размышленія такихъ писателей, какъ Вольтеръ, Ламене, Ривароль, Ламартинъ, Петрарка,—трудно не согласиться съ тѣмъ, что для того, чтобы свазать по русски что